

Френсис Скотт Фицджеральд

Две вины

*Часть сборника
Загадочная история
Бенджамина Баттона
(сборник)*

Френсис Фицджеральд

Две вины

«ФТМ»

1930

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Coe)-44

Фицджеральд Ф. С.

Две вины / Ф. С. Фицджеральд — «ФТМ», 1930

ISBN 978-5-457-98260-4

«— Смотрите — видали ботиночки? — сказал Билл. — Двадцать восемь монет. Мистер Бранкузи посмотрел. — Неплохие. — На заказ шиты. — Я и так знаю, что вы франт, каких мало. Не за этим же вы меня звали? — Совсем даже не франт. Кто сказал, что я франт? — возмутился Билл. — Просто я получил хорошее воспитание, не то что иные прочие в театральном мире. — И еще, как известно, вы красавец писанный, — сухо добавил Бранкузи. — Конечно. Уж не вам чета. Меня девушки принимают за актера... Закурить есть? И что самое главное, у меня мужественный облик, чего уж никак не скажешь про здешних мальчиков...» Книга также выходила под названием «Злом зла не поправишь».

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-457-98260-4

© Фицджеральд Ф. С., 1930

© ФТМ, 1930

Содержание

I	5
II	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Френсис Скотт Фицджеральд

Две вины

I

– Смотрите – видали ботиночки? – сказал Билл. – Двадцать восемь монет.

Мистер Бранкузи посмотрел.

– Неплохие.

– На заказ шиты.

– Я и так знаю, что вы франт, каких мало. Не за этим же вы меня звали?

– Совсем даже не франт. Кто сказал, что я франт? – возмутился Билл. – Просто я получил хорошее воспитание, не то что иные прочие в театральном мире.

– И еще, как известно, вы красавец писанный, – сухо добавил Бранкузи.

– Конечно. Уж не вам чета. Меня девушки принимают за актера... Закурить есть? И что самое главное, у меня мужественный облик, чего уж никак не скажешь про здешних мальчиков.

– Красавец. Джентльмен. В шикарных ботинках. И везуч как черт.

– А-а, вот тут вы ошибаетесь, – заспорил Билл. – Голова на плечах, это – да. За три года – девять постановок, четыре прошли на «ура», одна провалилась. Ну при чем здесь везение?

Бранкузи надоело слушать, он задумался, уставившись в одну точку невидящими глазами. Сидящий перед ним молодой румяный ирландец всеми порами источал такое самодовольство – не продохнуть. Но пройдет немного времени, и он, как всегда, спохватится, услышит сам себя и, устыдившись, поспешит спрятаться в свое второе «я» – эдакого утонченно-высокомерного покровителя искусств по образу и подобию ультраинтеллигентов из Театральной гильдии. Между этими двумя ипостасями Билл Мак-Чесни до сих пор еще не сделал окончательный выбор, такие натуры обычно определяются годам к тридцати.

– Возьмите Эймса, возьмите Гопкинса, Гарриса – любого возьмите, – продолжал разглагольствовать Билл. – Кто из них лучше меня?.. В чем дело? Хотите выпить? – спросил он, видя, что Бранкузи посматривает на стену, где висел винный шкафчик.

– Я не пью по утрам. Просто там кто-то стучит. Вы б им велели перестать. Слышать не могу, страшно действует на нервы.

Билл встал и распахнул дверь.

– Никого нет... – начал он. – Эй! Вам чего?

– Ой, простите, – ответил женский голос. – Простите, ради бога! Я разволновалась и сама не заметила, что, оказывается, держу в руке карандаш.

– А что вам здесь надо?

– Я к вам. Секретарь говорит, что вы заняты, а у меня к вам письмо от Алана Роджерса, драматурга. Я хотела передать его вам лично.

– Мне некогда. Обратитесь к мистеру Кадорна.

– Я обратилась. Но он был не слишком любезен, а мистер Роджерс говорил...

Бранкузи нетерпеливо пододвинул стул и посмотрел в открытую дверь. Посетительница была очень юная, с копной ослепительных золотых волос и гораздо более волевым лицом, чем можно было подумать по ее лепету. У нее был твердый характер, потому что она родилась и выросла в городке Делани, штат Южная Каролина, но откуда было знать об этом мистеру Бранкузи?

– Как же мне быть? – спросила она, без колебаний отдавая свою судьбу в руки Билла. – У меня было письмо к мистеру Роджерсу, а он вот дал мне письмо для вас.

– Ну и что я должен сделать? Жениться на вас? – взорвался Билл.

– Я хотела бы получить роль в одном из ваших спектаклей.

– Тогда сидите тут и ждите. Я сейчас занят... Где мисс Кохалан?

Он позвонил, с порога еще раз сердито оглянулся на посетительницу и закрыл за собой дверь. Но за это время с ним произошла обычная метаморфоза, и теперь с мистером Бранкузи разговор возобновил человек, который на проблемы театрального искусства смотрит, можно сказать, просто глазами Макса Рейнгардта.

К половине первого он уже ни о чем не помнил, кроме того, что будет величайшим на свете режиссером и что сейчас, за ланчем, он встретится с Солом Линкольном, которому все это втолкует. Он вышел из кабинета и вопросительно посмотрел на мисс Кохалан.

– Мистер Линкольн не сможет с вами встретиться, – дoloжила она. – Он только что звонил.

– Ах, только что звонил, – в сердцах повторил Билл. – Тогда вычеркните его из списка приглашенных на четверг.

Мисс Кохалан провела черту поперек лежащего перед нею листа бумаги.

– Мистер Мак-Чесни, вы, наверно, про меня забыли?

Билл обернулся к посетительнице.

– Да нет, – неопределенно ответил он и добавил, опять обращаясь к секретарше: – Ладно, черт с ним, все равно пригласите его на четверг.

Есть в одиночку ему не хотелось. Он теперь ничего не любил делать в одиночку, ведь для человека известного и влиятельного общество – удивительно приятная вещь.

– Может быть, вы уделите мне две минуты, – снова начала рыженькая.

– Сейчас, к сожалению, не могу.

И вдруг он понял, что таких красивых, как она, не видел никогда в жизни. Он не мог оторвать от нее глаз.

– Мистер Роджерс мне говорил...

– Может, перекусим вместе? – предложил он и, дав мисс Кохалан несколько поспешных и противоречивых указаний, распахнул перед своей дамой дверь.

Они стояли на Сорок второй улице и дышали воздухом для избранных – его было так мало, что могло хватить одновременно лишь на несколько человек.

Был ноябрь, театральный сезон начался уже давно. Биллу стоило повернуть голову вправо – и там сияла реклама одного его спектакля, потом влево – и там горели огни другого. Третий шел за углом – тот, что он поставил вместе с Бранкузи и с тех пор зарекся работать на пару.

Они вошли в «Бедфорд-отель», и среди официантов и служителей поднялась суматоха.

– Как тут мило, – любезно, но искренне сказала девушка.

– Актерская берлога. – Он кивал каким-то людям. – Привет, Джимми... Билл... Джек, здорово... Это Джек Демпси... Я редко сюда хожу. Больше в Гарвардский клуб.

– Так вы учились в Гарварде? Один мой знакомый...

– Да.

Он колебался. Относительно Гарварда существовали две версии, и неожиданно он выбрал ту, которая соответствовала истине.

– В Гарварде. Меня там считали деревенщиной, никто знаться со мной не хотел, не то что теперь. На той неделе я гостил у одних на Лонг-Айленде – такой фешенебельный дом, боже ты мой, – так там у них двое светских молодчиков, которые в Кембридже меня в упор не замечали, вздумали панибратствовать, я им теперь, видите ли, «старина Билл».

Он еще поколебался и вдруг решил на этом поставить точку.

– Так вам что, работа нужна? – спросил он.

Он вдруг вспомнил, что у нее дырявые чулки. Перед дырявыми чулками он пасовал, терялся.

– Да. Иначе мне придется уехать обратно домой, – ответила она. – Я хочу стать балериной, заниматься русским балетом, знаете? Но уроки такие дорогие, вот и приходится искать работу. Заодно, я думала, немного привыкну к сцене.

– Пляски, значит?

– Нет, что вы, классический балет.

– Павлова, например, она разве не пляшет?

– Ну что вы! – Она ужаснулась, но потом продолжила свой рассказ. – Дома я занималась у мисс Кэмпбелл, вы, может быть, слышали? Джорджия Берримен Кэмпбелл. Ученица Неда Уэйберна. Она просто замечательная! Она...

– Да? – Он слушал рассеянно. – Дело нелегкое. В агентствах от актеров отбою нет, и послушать их всех, так они что угодно могут – до первой пробы. Вам сколько лет?

– Восемнадцать.

– Мне двадцать шесть. Приехал сюда четыре года назад без единого цента в кармане.

– Ну да?

– А теперь могу хоть сегодня прикрыть лавочку, мне хватит до конца жизни.

– Честное слово?

– В будущем году устрою себе отпуск на год. Женюсь... Айрин Риккер, слышали про такую?

– Еще бы! Моя любимая актриса.

– Мы помолвлены.

– Правда?

Потом, когда они снова вышли на Таймс-сквер, Билл небрежно спросил:

– А что вы сейчас делаете?

– Работу ищу.

– Да нет же. Вот сейчас.

– Ничего.

– Может, зайдём ко мне, выпьем кофе? Я живу на Сорок шестой улице.

Глаза их встретились, и Эмми Пинкард решила, что в случае чего сможет за себя постоять.

В просторной светлой комнате-студии с огромным диваном в десять футов шириной она выпила кофе, он – виски с содовой, и его рука легла ей на плечи.

– С какой стати я должна вас целовать? – решительно сказала она. – Мы почти не знакомы, и, потом, вы помолвлены с другой.

– Пустяки. Она не рассердится.

– Так я и поверила!

– Вы хорошая девушка.

– Во всяком случае, не дура.

– Ну и ладно. Оставайтесь себе хорошей девушкой.

Она поднялась с дивана и встала рядом, свежая и спокойная и ничуть не смущенная.

– Я так понимаю, что теперь мне работы у вас не получить? – беззлобно спросила она.

Он думал уже о другом – о каком-то разговоре, о репетициях, – но, поглядев, опять увидел на ней дырявые чулки. И позвонил по телефону:

– Джо, это Нахал говорит... Что, думали, я не знаю, как вы меня называете?.. Ладно, ничего... Слушайте, вы уже набрали мне трех девушек для сцены с гостями? Ну так оставьте место, я вам сейчас пришлю одну южаночку.

И, довольный собою, гордо посмотрел на нее, чувствуя себя самым что ни на есть отличным малым.

– Прямо не знаю, как вас благодарить. И мистера Роджерса, – дерзко добавила она. – До свидания, мистер Мак-Чесни.

Он не снизошел до ответа.

II

Во время репетиций он часто приходил в театр и стоял с умным выражением на лице, будто каждого видел насквозь. На самом же деле, оглушенный собственным успехом, он воспринимал действие на сцене смутно, как в тумане, да и не особенно интересовался. В конце недели он обычно уезжал на Лонг-Айленд и гостил у своих новоявленных роскошных друзей. Бранкузи величал его не иначе как «светский лев», а он отругивался:

– Ну и что? Разве я не учился в Гарварде? Думаете, я, как вы, у зеленщика в тележке отыскался?

Новые знакомые ценили его за приятную внешность, и за легкий характер, и, конечно, за успех.

И только помолвка с Айрин Риккер омрачала его жизнь. Они давно действовали друг другу на нервы, но ни он, ни она не решались на разрыв. Как двух юных отпрысков двух самых богатых семейств в городе уже одно их исключительное положение часто сводит вместе, так и Билл Мак-Чесни с Айрин Риккер, оба вознесенные на вершину успеха, не могли не принести друг другу дань взаимного восхищения. Но ссоры, в которых они отводили душу, становились все чаще и ожесточеннее, и конец неотвратимо приближался. Он принял облик рослого красавца Фрэнка Ллуэлина, актера, игравшего в паре с Айрин. Билл быстро понял, к чему идет дело, и взял с ними особый горько-иронический тон; через неделю репетиций отношения в труппе стали натянутыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.